

УДК 343.14
ББК 67.411

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ОБВИНЯЕМОМ СВОЕЙ ВИНЫ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Барабаш Анатолий Сергеевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса,
Сибирский федеральный университет
a.barabash@mail.ru
ул. Маерчака, 6, 660075 г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Отношение к признательным показаниям обвиняемого – свидетельство нравственного уровня и профессиональной состоятельности не только законодателей, но и правоприменителей. В статье для определения современного состояния этих показателей анализируется период от Свода законов Российской империи до УПК РФ. Наиболее высокий профессионализм был достигнут правоприменителями на базе либеральных ценностей и норм Устава уголовного судопроизводства, что позволило их лучшим представителям при доказывании обходиться без признательных показаний обвиняемого. Советский период ознаменовался существенным регрессом: признание вновь, как и до Устава уголовного судопроизводства, стало основным, решающим доказательством, для его получения широкое распространение получила пытка. Законодатель в настоящее время прилагает усилия для ее устранения, в литературе появились предложения отказаться от признательных показаний обвиняемого как от доказательств. Анализ этого материала приводит автора к выводу, что нет законодательного решения этой проблемы. Выход видится в повышении уровня общей и правовой культуры правоприменителей, в воспитании у них утраченного отношения наших великих дореволюционных предшественников к признательным показаниям обвиняемого, в овладении ими косвенным способом доказывания.

Ключевые слова: признание обвиняемым своей вины, Свод законов Российской империи, Устав уголовного судопроизводства, процессуальная идеология советского времени, современное отношение к признанию обвиняемым своей вины, косвенный способ доказывания.

© Барабаш А.С., 2015
Прошлое определяет настоящее, но только в том случае, если не прервана связь в развитии. Фиксируя различные периоды истории исследуемого явления, можно обнаружить как преемственность с накоплением позитивного, так и сбои в ней¹, обуславливающие откат к прошлому. В этой связи интерес представляет выяснение отношения к признательным показаниям обвиняемого от Свода законов Российской империи (1832 г.)² до УПК РФ.

В этот период было два переломных этапа в определении места признательных показаний в системе доказывания: один связан с принятием Устава уголовного судопроизводства, другой – с октябрьским переворотом. Исторический обзор предпринят для определения правильного отношения к доказательственному значению признательных показаний обвиняемого и прогнозирования того, каким должно быть отношение к ним.

В Своде законов Российской империи собственное признание считалось «лучшим доказательством всего света» (ст. 316), но для его получения закон запрещал применять допросы с пристрастием, истязания и мучения. Запрещать-то запрещал, но признание за этим видом доказательств первенствующего значения приводило к тому, что, как указывал А.Ф. Кони, «бывали случаи добывания его истязаниями и приемами замаскированной пытки» [20, с. 738]. Свод законов в полной мере воплотил в тексте своих норм теорию формальных доказательств, при которой признание обвиняемым своей вины было царицей доказательств³.

Устав уголовного судопроизводства был построен совершенно на ином начале, заложенном в основу оценки доказательств судьями. Теория формальных доказательств в российском уголовном процессе была отвергнута, что повлекло за собой изменение формы судопроизводства, а также правил работы с доказательствами. 29 сентября 1862 г. Александр II подписал «Основные положения уголовного судопроизводства», которые явились руководящим документом для составителей Устава уголовного судопроизводства. В них, наряду с другими важными моментами, было закреплено следующее: концепция формальных доказательств отменяется, а помещаемые в судебных уставах правила о силе доказательств должны служить только руководством при определении вины или невиновности подсудимых по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда [17, с. 119]. Следует заметить, что при окончательном редактировании Устава из него были исключены всякие указания на силу и значение доказательств для чего бы то ни было. Суд должен был решать вопрос о виновности подсудимого, не будучи связан ни сознанием последнего, ни отказом обвинителя от поддержания обвинения, а исключительно по внутреннему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела (ст. 766 Устава уголовного судопроизводства).

Признание обвиняемым своей вины как доказательство не ушло из уголовного процесса, но возможность использования его в этом качестве ставилась в зависимость от того, что

оно было сделано «вполне свободно и добровольно» [6, с. 325]. Свободность и добровольность обеспечивались соблюдением предписаний ст. 405 и 406 Устава уголовного судопроизводства. В ст. 405 говорилось о том, что следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства. А в случае отказа обвиняемого отвечать на данные ему вопросы следователю предлагалось, отметив о том в протоколе, изыскивать другие законные средства к открытию истины (ст. 406). Приведенное обстоятельство знаменательно в том плане, что фиксирует понимание законодателем возможности установить действительную картину происшедшего и без признательных показаний обвиняемого.

Один век, но какая пропасть разделяет Свод законов Российской империи и Устав уголовного судопроизводства в отношении к признательным показаниям обвиняемого. В первом случае – это царица доказательств, во втором – можно и должно в определенных ситуациях обойтись без них при установлении события прошлого. Изменение отношения к признательным показаниям и способам его получения произошло не только в тексте закона, но и в сознании многих правоприменителей. То, что возможно обойтись без признательных показаний, А.Ф. Кони и лучшие его соратники, когда он был прокурором Санкт-Петербургского окружного суда, доказывали на деле. Вот что писал об отношении к признанию Анатолий Федорович в очерке «Приемы и задачи прокуратуры». Он и его сотрудники «старались не опираться на собственное сознание подсудимого, даже сделанное на суде, и строить свою речь, как бы сознания вовсе не было, почерпая из дела объективные доказательства и улики, не зависящие от того или другого настроения подсудимого, от его подавленности, нервности, желания принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь в меньшем, чем то, в чем его обвиняют...» [11, с. 185–186]. Ну а пытку, как способ получения признательных показаний, Л.К. Владимиров рассматривал как атавизм для российского уголовного процесса и предполагал, что «быть может, встречается иногда пытка физическая и в настоящее время, в

каких-нибудь мрачных подпольях полуазиатских государств. Нельзя поручиться (пишет он далее. – А. Б.), чтобы и в настоящее время у отсталых и темных народов не встречались тупые и жестокие люди, которые не прочь были бы от возвращения к пытке физической как к средству добывания собственного признания и вообще истины в уголовном суде. В истории человечества ни за что поручиться нельзя» [6, с. 326]. Слова эти были написаны не просто профессором, а известным в то время защитником, который не мог не знать действительного положения дел с пытками в России, представителем великой русской культуры, человеком, мышление которого было сформировано на гуманистических началах, заложенных в Уставе уголовного судопроизводства. Вышеприведенная цитата из работы А.Ф. Кони свидетельствует, что он не был одинок. Общая правовая культура дореволюционных юристов, реализуемая в правоприменительной практике, с негодованием отвергла насилие в уголовном процессе как рудимент прошлого.

Переходя к следующему этапу истории российского процесса, охватывающему период с 20-х гг. XX в., включая 50-е, следует заметить, что если, несмотря на революционные перевороты, уголовный процесс РСФСР остался в лоне романо-германской семьи права, то процессуальная идеология, ярким представителем которой, безусловно, являлся А.Я. Вышинский, покинула его. Для иллюстрации этого утверждения рассмотрим некоторые места из его фундаментальной работы «Теория судебных доказательств в советском праве». Обусловлено это не только тем, что данная монография была удостоена Сталинской премии, издавалась несколько раз, но и тем, что ее автор долгое время занимал пост генерального прокурора СССР, следовательно, имел возможность напрямую воплощать свои теоретические воззрения в правоприменительной деятельности, что служило оправданием массовых репрессий.

А.Я. Вышинский был явным сторонником состязательного процесса. Говоря о состязательности, он называл ее советским принципом [8, с. 249]. А.Я. Вышинский приравнивал правила уголовно-процессуального доказывания к гражданско-процессуальным пра-

вилам, утверждая, что «между теми и другими правилами принципиальной разницы нет» [8, с. 247]. Споря с М.С. Строговичем, он полагал, что обвиняемый обязан «доказать наличие известных фактов или обосновать те или иные положения, которые обвиняемый приводит в свое оправдание. Так, дело обвиняемого, а не обвинителя доказать свое *alibi*» [там же, с. 245]. Так обязанность обвиняемого перерастает уже в его долг, а долг, если он не возвращается, может быть взыскан и принудительно. Взыскание его на практике зачастую приводило к тому, что обвиняемому вменялось в обязанность доказывать не только свою невиновность, но и виновность, а здесь уж без пыток было не обойтись [там же]. Но можно ли в их распространенности винить А.Я. Вышинского? Дальнейшая работа с текстом его монографии, на первый взгляд, свидетельствует о том, что в своем отношении к признательным показаниям он стоит на вершине либеральной мысли. Так, по этому поводу он пишет: «если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним» [там же, с. 260]. Внимательное прочтение приведенного фрагмента все же не дает возможности поставить А.Я. Вышинского в ряд с А.Ф. Кони и его соратниками в их отношении к признательным показаниям обвиняемого. И мешает этому одно слово, с которого начинается приведенная цитата: «если». Он готов отказаться от сознания обвиняемого как доказательства при условии, если другие доказательства устанавливают его виновность. А если не устанавливают – признание остается доказательством вины подсудимого.

Вот еще одна цитата, против которой, если ее брать саму по себе, трудно возразить. Автор не признает правильным «такую организацию и такое направление следствия, которое основную задачу видит в том, чтобы получить “признательные” объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обви-

няемым своих показаний или отказа от них» [8, с. 263]. Но в последующих словах выражается уже другое отношение к показаниям обвиняемого. И оно уже без всякого «если». А.Я. Вышинский предлагает свести его «на уровень обычного, рядового доказательства» [там же], а вот дальше состязательное мышление автора выводит признание обвиняемых в ряд основных доказательств. Правда, у него они такими являлись по ряду дел «о заговорах, о преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах. В таких процессах также обязательно возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, – проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых⁴. Но объяснения в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств» [там же, с. 264]. Итак, на протяжении менее десятка страниц мы видим деградацию отношения к признательным показаниям: вначале предлагается, при определенных условиях, не относиться к ним как к доказательствам, но в конечном итоге признание провозглашается, хоть об этом не говорится открыто, царицей доказательств. При понимании процесса как состязательного подобное неизбежно: обвиняемый, признавший свою вину, тем самым делает излишними усилия обвинителя по обоснованию своего тезиса, так как пропадает основание для спора. Таким образом, признание становится основным и желанным доказательством, но если в России признание оставалось и остается в рамках процесса, то в США, где процесс действительно, а не мнимо состязательный, от него зависит, будет судебное разбирательство или нет⁵. Признание обвиняемым своей вины, оформленное сделкой, стало настолько весомо, что упраздняет судебное разбирательство. Но Россия не США, и наш процесс не состязательный, а публичный⁶.

Начиная с Н.В. Крыленко, который, будучи обвинителем на процессе «Промпартии», сказал 4 декабря 1930 г. о том, что «лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»⁷, несколько десятилетий XX столетия в Стране Советов прошли под лозунгом «Признание обвиняемым своей вины – лучшее, важнейшее, решающее доказательство», иными словами, царица доказательств

[16]. XX век ознаменовался в СССР частичным возвратом к теории «формальных доказательств». Был реанимирован центральный постулат этой теории. Каким образом получались эти лучшие, важнейшие и решающие доказательства, сейчас неизвестно только ребенку. Но ностальгирующие по тем временам могут возразить, что подобное отношение к признательным показаниям распространялось на небольшую категорию дел (см. вышеприведенную цитату из работы А.Я. Вышинского), да и обвинительная речь прокурора РСФСР Н.В. Крыленко была направлена против вредителей, буржуазных специалистов. Но под эту небольшую категорию дел попадало большое число граждан страны Советов. Классовая борьба с врагами народа усиливалась по мере успешного строительства социализма. Тот же Н.В. Крыленко оказался врагом и был расстрелян, а затем реабилитирован. Да и можно ли себе представить ситуацию, когда усилия для получения признательных показаний применялись только в рамках расследования вредительских, контрреволюционных дел. Насилие, а в большинстве случаев без него нельзя было получить признательные показания, получив индульгенцию от прокурора РСФСР (Н.В. Крыленко) и генерального прокурора СССР (А.Я. Вышинского), словно раковая опухоль своими метастазами, пронизало мышление правоприменителей. Не излечена эта болезнь и в настоящее время, но об этом речь пойдет чуть ниже. В конце же этого фрагмента следует заметить, что подход, в силу которого значение доказательства зависит от категории дела, не может рассматриваться в качестве научного. Все доказательства, если они таковыми являются, имеют одинаковое значение для дела.

Уголовный процесс рассматриваемого периода не на бумаге, а в действительности был полной противоположностью процесса по Уставу уголовного судопроизводства. По масштабу и степени применения насилия для получения признательных показаний его нельзя сравнить и с процессом по Своду законов Российской империи. Следует фиксировать нравственный регресс правоприменителей, обусловленный внедрением в практику состязательного мышления и атавизма теории формальных доказательств: признания обвиняемым своей вины – царицы доказательств, от

которого состязательный процесс, в отличие от процесса, основанного на публичном начале, не смог отказаться.

Изменение политического и экономического строя жизни в современной России автоматически не повлекло за собой замену УПК РСФСР на новый кодекс, он действовал в уже новой России десяток лет. Но нашлись политические силы, посчитавшие, что дальше мириться с использованием кодекса тоталитарного государства не пристало новому демократическому. При этом совершенно не бралось во внимание, что по своим основным параметрам он вполне соответствовал представлению об уголовном процессе, существующему в семье континентального права. По всей видимости, многие европейские государства, в сознании реформаторов УПК, не соответствовали канонам демократического правового государства. Эталонным для них явились США. И состязательность была внедрена в российский процесс, но оказалась в нем инородным телом, в законе, а не в сознании большей части правоприменителей. Из того, что было сказано ранее, при анализе процессуальной идеологии А.Я. Вышинского, следует, что состязательное мышление при отсутствии общей и правовой культуры фактически оправдывает применение насилия для получения признательных показаний. Следовало приложить усилия к изменению сознания, к принятию им того, что человек – не средство, а цель, и смотришь, не было бы необходимости менять форму. До тех пор, пока не будет воспитано такое отношение к человеку, любые изменения формы бессмысленны. Прежнее содержание найдет возможность приспособиться к новой форме.

Возможность применения насилия при расследовании так глубоко впиталась в российскую почву, что законодатель, пробуя бороться с ним, а такие усилия прилагались и в кодексе РСФСР 1960 г., неосознанно подпитывает его. В ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР было зафиксировано, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств». В действующий кодекс под кальку в часть вторую статьи под этим же самым номером перенесен вышеприведенный текст.

Обращает на себя внимание то, что признание обвиняемым своей вины в приведенных нормах образует центр соответствующего предписания, невольно приводя правоприменителя к мысли о том, что, имея признание, дело остается за малым – подтвердить его совокупностью доказательств. А ведь признание может быть как проявлением раскаяния, то есть добровольным, так и вынужденным, полученным при применении незаконных мер физического и психического воздействия. Добывая таким образом признание у действительно виновного, получают в том числе и указания на источники, черпая информацию из которых, можно подтвердить полученное признание. Это гораздо проще, чем самостоятельно без обвиняемого обнаруживать доказательства, свидетельствующие о совершении преступления и о виновности в его совершении определенного лица. Таким образом, при минимуме усилий по раскрытию преступления получают максимум результата, формально не нарушая при этом приведенное выше требование закона. Следовательно, наличие в законе рассматриваемого предписания не способствует искоренению указанного выше порока сознания правоприменителей.

Существование незаконного насилия и его распространенность для современного законодателя не тайна за семью печатями. Предотвратить его он попытался, введя в действующий УПК РФ п. 1 ч. 2 ст. 75. В нем говорится о недопустимости показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденных обвиняемым в суде. Придавая участию защитника столь высокую значимость в деле обеспечения допустимости показаний обвиняемого, законодатель стремился уберечь его (обвиняемого) от психического и физического воздействия, которому он может подвергаться для получения следствием нужных показаний. Мысль проста – в присутствии адвоката на допросе бить не будут. Не будут и без адвоката. Не дело это следователей. Зачастую к допросу подозреваемого, обвиняемого, а то и вообще лицо без процессуального положения готовят оперативники в рамках так называемых оперативных бесед. Вот там многое и

происходит, что понуждает допрашиваемых лиц говорить о том, что было и чего не было. Присутствие адвоката при допросе таким образом подготовленного источника информации не позволяет ему отказаться от отретегированного ранее содержания показаний. Адвокат уйдет, а он останется во власти тех, кто готовил его к показаниям. Последствия очевидны – будет хуже. И вот человек, от которого признательные показания были получены под принуждением, с надеждой рассказать об этом ждет суда, но напрасно. Если он отважится до суда заявить, что его били, это будет опровергнуто проверкой – не били. Судья полистает материалы проверки заявления, спросит, почему не пожаловался адвокату, и признает данные им на предварительном следствии показания допустимыми⁸. Но эта ситуация плохого следователя, который отдает оперативникам в разработку подозреваемого или обвиняемого. Правда, бывают ситуации, когда оперативники для раскрытия преступления по собственной инициативе незаконными методами формируют будущие показания.

Но ведь есть и хорошие следователи. Что делать такому следователю, зная содержание п. 1 ч. 2 ст. 75? Ничего иного не остается, как идти на нарушение закона и навязывать обвиняемому, который этого не желает, участие адвоката при его допросе, превращая право обвиняемого пользоваться услугами адвоката в его обязанность. Стоит же за этим чувство самосохранения. Ведь неизвестно, как поведет себя на суде обвиняемый, возможно, начнет оговаривать следователя и отказываться от данных им показаний. В этом случае адвокат является уже страховкой для следователя. Начав нарушать закон вынужденно и выработав привычку к этому, где гарантия, что сфера нарушения следователем других норм не будет расширена? Негативизм по отношению применения норм закона – явление недопустимое. Стократно недопустимо, когда этот негативизм формируется законодателем. Был хороший следователь, и не стало его. Как видим, благие намерения законодателя ситуацию с применением незаконного насилия никоим образом позитивно не разрешают. Следовательно, нет прока от сохранения анализируемого пункта⁹, как и в целом содержания ч. 2 ст. 75 как не имеющего и во

2-м пункте никакого отношения к допустимости. Третий пункт этой части подлежит исключению в силу того, что не содержит в себе ничего нового по сравнению с содержанием ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

Как показывает анализ действующего УПК, законодателю не удалось создать условия для искоренения побудительных мотивов, обуславливающих тягу правоприменителей к получению признательных показаний с помощью незаконного насилия. Что же может разрешить рассматриваемую ситуацию? Только отказ на законодательном уровне от такого доказательства, как признание обвиняемым своей вины, считают некоторые авторы [5; 9; 12]. Но предложенное решение наталкивается на ряд возражений. Признательные показания обвиняемого, как считает Н. Андросенко, могут упростить задачу раскрытия преступления и обнаружения виновного лица, и в этом их значение. Он пишет: «Допрос подозреваемого, обвиняемого, признавшего в совершении преступления, дает возможность собирания новых, ранее неизвестных следователю доказательств, которые без его показаний обнаружить очень трудно» [1]. Придание признанию обвиняемого в наше время особого значения, а значение определяет силу доказательства, напрямую толкает правоприменителей на нарушение ч. 2 ст. 17 УПК РФ, где говорится о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Кроме того, ориентация на допрос обвиняемого как на средство получения информации о существовании новых, неизвестных следователю доказательств, как раз и обуславливает существование незаконного насилия, ведь так проще, чем преодолевать трудности при самостоятельном обнаружении неизвестных доказательств. Возражая против отказа от признательных показаний как доказательств, законодатели указывают и на то, что это повлечет нарушение прав обвиняемого на защиту [1; 18]. Вряд ли, ведь указанные выше авторы рассматриваемого предложения предлагают исключить не допрос обвиняемого, а результат его в случае получения признательных показаний, и это не ведет к полному игнорированию этих показаний как средства защиты. От себя добавим, что если признательные показания были даны доброволь-

но, то их можно рассматривать как обстоятельство, смягчающее ответственность, но применять это обстоятельство следует в том случае, если в рамках косвенного способа доказывания вина установлена. Именно умелое владение этим способом делает беспочвенным опасения ряда авторов, что отказ от признательных показаний повлечет за собой ограничение познавательных возможностей судопроизводства [7; 10, с. 394–395].

Приведенные аргументы могут убедить читающего, что автор – сторонник исключения признательных показаний из числа доказательств, и это было бы так, если бы не одно но. Ведь обвиняемый может дать признательные показания, как писал Л.К. Владимиров, «свободно и добровольно». В них он указал на другие источники доказательств, которые были неизвестны следователю, на место, где сокрыты следы преступления. Став в позицию отрицания за признаниями обвиняемого доказательственного значения, мы попадаем в ситуацию, когда, допросив обвиняемого и получив информацию о совершенном им преступлении, которой мы не обладали, проверка которой дала бы нам полную достоверность, мы лишены возможности ее получить, так как в основе полученной информации лежит недопустимое доказательство. Представители преступного сообщества не преминули бы воспользоваться выгодами такого решения: заявив явку с повинной и подробно изложив все, что они сделали противозаконного, они тем самым перечеркнули бы возможность проведения расследования. А почему признание обвиняемым своей вины недопустимое доказательство? Потому что так с нашей подачи решил законодатель, хотя ни один критерий допустимости не нарушен. Вспоминается проведенный выше анализ ч. 2 ст. 75 УПК РФ. И, чтобы быть последовательными, необходимо сделать вывод, что нет теоретических оснований для исключения признательных показаний обвиняемого из числа доказательств.

Суть обсуждаемой проблемы заключается в обеспечении добровольности дачи признательных показаний обвиняемым. Можно, конечно, подкорректировать содержание ст. 173 (допрос обвиняемого) действующего УПК содержанием ст. 405 и 406 Устава уголовного судопроизводства, но и без этого там

достаточно места уделено добровольности дачи обвиняемым показаний (ч. 2 и 4). Но не во всех случаях закрепленное в законе работает на практике. Проблема не в законе. На наш взгляд, нет законодательного решения этого вопроса. Выше говорилось о том, что не изменение формы, а изменение сознания может повлечь за собой иное отношение к человеку при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Изменение должно происходить в плане возрождения отношения к признательным показаниям и способам их получения наших великих дореволюционных предшественников, что, безусловно, повлияет на повышение уровня профессионализма современных правоприменителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об опасных следствиях последних писали В.В. Пономарева и А.А. Брестер [15, с. 250–251].

² Отправным пунктом Свод законов берется в силу того, что в его нормах, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность, аккумулярировался опыт многих предшествующих веков, он явился актом, описывающим розыскной процесс в его завершённом виде.

³ Более подробно об особенностях этого процесса смотрите у М.А. Чельцова-Бебутова [20, с. 734–744].

⁴ В более позднее советское и наше время ряд авторов пытаются убедить читающих, что такая проверка нужна не для того, чтобы связать обвиняемого его сознанием, а для установления истины [11, с. 81; 18]. Полагаем, что при наличии совокупности доказательств, устанавливающих вину обвиняемого, сознание, как писал А.Я. Вышинский, теряет значение доказательства. Нужда в нем остается в том случае, если в основе совокупности полученных доказательств лежит признание обвиняемым своей вины.

⁵ Об американской сделке о признании найдете материал в работе У. Бернам [3, с. 466–468].

⁶ Обоснование публичного начала российского уголовного процесса смотрите в книге А.С. Барабаша [2, с. 5–140].

⁷ Хотя и в приложении, но следует отметить, что в те непростые времена находились ученые, которые имели смелость выступить против официальной доктрины. М.А. Чельцов-Бебутов в своей работе «Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе» писал, что признание обвиняемого – менее ценное доказательство, и предла-

гал оценивать совокупность имеющихся доказательств, вообще не принимая во внимание имеющиеся показания обвиняемого [19, с. 46].

⁸ Исходя из реальности представленной картины, о чем свидетельствует опыт автора по общественному расследованию в прошлом жалоб на применение мер незаконного воздействия для получения признательных показаний, вряд ли можно согласиться с предложением Н.Ю. Волосовой о том, что «было бы верным указать в ст. 75 УПК РФ, что признание обвиняемым своей вины может выступать в качестве допустимого доказательства только при условии соблюдения процедуры получения данного признания в рамках, предусмотренных законом, а именно, отсутствия насилия, угроз его применения и других форм воздействия» [7, с. 67]. Нет в этом смысла.

⁹ К подобному выводу, анализируя понятие «допустимости» доказательств, приходят С.А. Новиков [13, с. 26–28; 14, с. 127–139], В.М. Бозров и Н.В. Костовская [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросенко, Н. Признание обвиняемым своей вины как доказательство по уголовному делу / Н. Андросенко // *Мировой судья*. – 2008. – № 2. – С. 15–18.
2. Барабаш, А. С. Публичное начало российского уголовного процесса / А. С. Барабаш. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.
3. Бернам, У. Правовая система США. 3-й выпуск / У. Бернам. – М. : Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
4. Бозров, В. М. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом / В. М. Бозров, Н. В. Костовская // *Мировой судья*. – 2012. – № 11. – С. 13–22.
5. Будников, В. Л. Признание обвиняемым своей вины не является доказательством / В. Л. Будников // *Российская юстиция*. – 2007. – № 4. – С. 44–45.
6. Владимиров, Л. К. Учение об уголовных доказательствах / Л. К. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
7. Волосова, Н. Ю. Некоторые суждения о доказательственном значении признания обвиняемым своей вины / Н. Ю. Волосова // *Российская юстиция*. – 2008. – № 1. – С. 67–69.
8. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский. – М. : Юрид. лит., 1950. – 308 с.
9. Горбачев, А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство»? / А. Горбачев // *Российская юстиция*. – 2004. – № 6. – С. 38–40.
10. Кальницкий, В. В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основа-

ми доказательственного права / В. В. Кальницкий // *Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1.* – Екатеринбург, 2005. – С. 393–399.

11. Каминская, В. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / В. И. Каминская. – М. : АН СССР, 1960. – 180 с.

12. Кони, А. Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 4 / А. Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1967. – 543 с.

13. Куссмауль, Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств / Р. Куссмауль // *Российская юстиция*. – 2001. – № 7. – С. 52–53.

14. Новиков, С. А. К вопросу о допустимости показаний обвиняемого, данных им в отсутствие защитника / С. А. Новиков // *Российский следователь*. – 2003. – № 4. – С. 26–28.

15. Новиков, С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России / С. А. Новиков. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2004. – 240 с.

16. Пономорева, В. В. Становление следственного процесса в России / В. В. Пономорева, А. А. Брестер // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2012. – № 3 (32). – С. 250–256.

17. Правда : [газета]. – 1930. – 8 дек.

18. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. – М. : Юрид. лит., 1991. – 595 с.

19. Соловьева, Н. А. Доказательственная функция признания / Н. А. Соловьева, В. Н. Перекрестов // *Российская юстиция*. – 2008. – № 11. – С. 55–58.

20. Чельцов-Бебутов, М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов-Бебутов. – М. : Изд-во МЮ СССР, 1947. – 52 с.

21. Чельцов-Бебутов, М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – М. : Изд-во юрид. лит., 1957. – 839 с.

REFERENCES

1. Androsenko N. Priznanie obvinyaemym svoey viny kak dokazatelstvo po ugovolnomu delu [Confession of Guilt by the Accused as the Proof on Criminal Case]. *Mirovoy sudya*, 2008, no. 2, pp. 15-18.
2. Barabash A.S. *Publichnoe nachalo rossiyskogo ugovolnogo protsesssa* [Public Beginning of the Russian Criminal Procedure]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2009. 420 p.
3. Bernam U. *Pravovaya sistema SShA. 3-y vypusk* [Legal System of the USA. 3rd Issue]. Moscow, Novaya yustitsiya Publ., 2006. 1216 p.
4. Bozrov V.M. Nekotorye problemnye voprosy otsenki dokazatelstv sudom [Some Problematic Issues of the Assessment of Proofs by Court]. *Mirovoy sudya*, 2012, no. 11, pp. 13-22.

5. Budnikov V.L. Priznanie obvinyaemym svoey viny ne yavlyaetsya dokazatelstvom [Confession of Guilt by the Accused is not the Proof]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2007, no. 4, pp. 44-45.

6. Vladimirov L.K. *Uchenie ob ugovolnykh dokazatelstvakh* [The Doctrine on Criminal Proofs]. Tula, Avtograf Publ., 2000. 464 p.

7. Volosova N.Yu. Nekotorye suzheniya o dokazatelstvennom znachenii priznaniya obvinyaemym svoey viny [Some Judgments on Evidentiary Value of Confession of Guilt by the Accused]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2008, no. 1, pp. 67-69.

8. Vyshinskiy A.Ya. *Teoriya sudebnykh dokazatelstv v sovetskom prave* [The Theory of Judicial Evidences in the Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1950. 308 p.

9. Gorbachev A. Priznanie obvinyaemogo - "osobo ubeditelnoe dokazatelstvo"? [Confession of the Accused - "Especially Convincing Proof"?]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2004, no. 6, pp. 38-40.

10. Kalnitskiy V.V. Razvitie ugovolno-protsessualnoy formy vstupaet v protivorechie s osnovami dokazatelstvennogo prava [Development of the Criminal Procedure Form Conflicts With the Bases of the Evidence Law]. *Pyatdesyat let kafedre ugovolnogo protsesssa UrGYuA (SYuI): materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chast 1* [50th Anniversary of the Department of Criminal Procedure of Urals State Law University: Proceedings of the International Research and Practice Conference. Part 1]. Ekaterinburg, 2005, pp. 393-399.

11. Kaminskaya V.I. *Pokazaniya obvinyaemogo v sovetskom ugovolnom protsesse* [The Evidence of the Accused in the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 180 p.

12. Koni A.F. *Sobranie sochineniy v 8 t. T. 4* [Collected Works in 8 vols. Vol. 4]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 543 p.

13. Kussmaul R. Isklyuchit pokazaniya obvinyaemogo iz chisla dokazatelstv [Eliminate the Evidence of the Accused From Proofs]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2001, no. 7, pp. 52-53.

14. Novikov S.A. K voprosu o dopustimosti pokazaniy obvinyaemogo, dannyykh im v otsutstvie zashchitnika [To the Question of the Admissibility of Evidence of the Accused, Given in the Absence of the Defender]. *Rossiyskiy sledovatel*, 2003, no. 4, pp. 26-28.

15. Novikov S.A. *Pokazaniya obvinyaemogo v sovremennom ugovolnom protsesse Rossii* [The Evidence of the Accused in Modern Criminal Procedure of Russia]. Saint Petersburg, Izdatelskiy dom Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2004. 240 p.

16. Ponomoreva V.V. Stanovlenie sledstvennogo protsesssa v Rossii [Formation of the Investigative Process in Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2012, no. 3 (32), pp. 250-256.

17. *Pravda. Gazeta* [Pravda Newspaper], 1930, Dec. 8.

18. *Rossiyskoe zakonodatelstvo X-XX vekov. V 9 t. T. 8* [Russian Legislation of the 10-20th Centuries. In 9 vols. Vol. 8]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 595 p.

19. Solovyeva N.A. Dokazatelstvennaya funktsiya priznaniya [Evidentiary Function of Confession]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2008, no. 11, pp. 55-58.

20. Cheltsov-Bebutov M.A. *Obvinyaemy i ego pokazaniya v sovetskom ugovolnom protsesse* [The Accused and Their Indications in the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Izd-vo MYu SSSR, 1947. 52 p.

21. Cheltsov-Bebutov M.A. *Ocherki po istorii suda i ugovolnogo protsesssa v rabovladelcheskikh, feodalnykh i burzhuznykh gosudarstvakh* [Sketches on the History of Court and Criminal Procedure in the Slaveholding, Feudal and Bourgeois States]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1957. 839 p.

THE EVIDENTIARY VALUE OF CONFESSION OF GUILT BY THE ACCUSED YESTERDAY, TODAY

Barabash Anatoliy Sergeevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of Criminal Procedure,
Siberian Federal University
a.barabash@mail.ru
Maerchaka St., 6, 660075 Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The attitude to confessions of the accused reflects the morality and the professional solvency of legislators as well as law enforcers. In order to determine the modern condition of these indicators, the author analyzes the period from Compiled Laws of the Russian Empire to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The highest professionalism was reached by law enforcers on the basis of liberal values and standards of the Charter of Criminal Trial that allowed their best representatives to do without confessions

of the accused. The Soviet period was marked by essential regress: the confession became the main and decisive proof again, as it was before the Charter of Criminal Trial, and the torture was widely adopted to achieve it. Now, the legislator makes efforts for its elimination, and currently there are offers to reject confession of guilt by the accused as proof. The analysis of this material leads the author to the conclusion that there is no legislative solution of this problem. The solution lies in increasing the level of general and legal culture of law enforcers, in developing the lost attitude of our great pre-revolutionary predecessors to confession of guilt by the accused, in mastering the indirect way of proof.

Key words: confession of guilt by the accused, Compiled Laws of the Russian Empire, Charter of Criminal Trial, procedural ideology of Soviet period, modern attitude to confession of guilt by the accused, indirect way of proof.